

Александр Чикин

Котелок спирта

маленький роман

Александр Чикин

Котелок спирта

«Издательские решения»

Чикин А.

Котелок спирта / А. Чикин — «Издательские решения»,

Эта книга посвящена семидесятипятилетию окончания самой неизвестной войны. Это подлинная история моего отца, прошедшего Великую Отечественную войну от первого до последнего дня.

Содержание

1	6
2	11
3	12
4	14
5	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Котелок спирта
маленький роман
Александр Чикин

© Александр Чикин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

1

Два архангела схватили сержанта, сорвали с гимнастёрки петлицы, и выволокли его из камеры. Протащив по коридору, растворили двери и швырнули в гигантский зал. Он не упал только потому, что сшиб с ног двоих в офицерской форме. Офицерские петлицы были вырваны с мясом, и он не знал, как к ним обратиться, когда бросился их поднимать. Первый, с разбитым лицом и перебитой рукой, неестественно болтавшей в рукаве, послал его матом и остался сидеть. Второй, хоть и был весь в крови, тяжело опёрся на его руку и, неожиданно легко встав, пошёл прочь от двери, навстречу ровному и сильному ветру, несущему хлопья сажи и смрад палёного мяса.

– Как зовут, сержант? – сидящий у двери здоровой рукой взял перебитую выше локтя руку и бережно устроил её на коленях.

– Фёдор, – сказал сержант, покосившись на свой воротник и, окончательно оторвав болтающуюся на лохмотьях левую петлицу, спрятал её в карман гимнастёрки.

– А меня – Серёга. Оттащи-ка меня от двери: не ровен час, ещё кто-нибудь из неё вылетит, – офицер протянул закопченную пятерню, неожиданно блеснувшую золотым кольцом. – Звание можешь не спрашивать: оно нам тут не понадобится.

Фёдор взял его под бока и потянул по земле, в сторону от двери, вдоль облупившейся стены. Циклопическая стена простиралась от горизонта до горизонта. Где-то вдали, примерно на равном удалении от створок двери, больше угадывались, чем различались явно, такие же створки других дверей, за ними ещё и ещё, пока стороны стены не терялись в тёмной мгле. Где-то там, почти на границе этой мглы, неслышно распахнулись двери и выбросили в зал, покрытый как ковром Сталинградской степью, крошечную фигурку. Человек, казавшийся на таком удалении светлым призрачным пятнышком на фоне мрака, пошёл от двери, пригибаясь от встречного ветра.

– Есть табачок, Фёдор? – спросил офицер, с облегчением привалившись к стене.

– Не курю, – сержант смотрел на низкие чёрные тучи, несущиеся над степью. Наткнувшись на стену, они поднимались куда-то вверх, клубясь в нескончаемом горизонтальном вихре.

– Я пойду, Сергей, – Фёдор посмотрел на сидящего. Тот кивнул, и вяло взмахнул ладонью, отпуская его от себя.

Впереди лежала промёрзшая степь. Кое-где, сквозь серый, чахлый бурьян, просвечивали грязные плешины мелкого снега. Где-то вдали, в темноте облаков едва уловимо вспыхивали зарницы, и больше кожей, нежели ушами, ощущалась низкая вибрация нето канонады, нето грозы. В призрачных отблесках у далёкого горизонта угадывались Кавказские горы, и Фёдор, взяв за ориентир пик повыше, направился к ним. Ушедшего вперёд офицера уже не было видно, и только иногда сержанту попадались его полузаметённые следы на снежных удувах, и местами, на голой, промёрзшей глине, между чахлыми кустами полыни, были видны брызги крови. Прошло много времени, прежде чем Фёдор увидел его впереди, лежащего ничком в бурьяне. Расстрельная команда, сидела рядом, смакуя дым самокруток. Время от времени, кто-нибудь вставал, чтобы подменить копавшего могилу, а он, в свою очередь, присаживался на место вставшего и закуривал. Их командир стоял у края ямы и наблюдал за работой. Заметив идущего к ним сержанта, начальник недружелюбно посмотрел на него, достал из шинели белоснежный платок, выронив при этом из кармана какие-то мелкие косточки, и протёр слезящиеся от ветра глаза. «Проваливай!» – буркнул он. Фёдор, глядя на комья глины, вылетающие из ямы, обошёл могилу и пошёл дальше к намеченному вдали горному пику.

Оглянувшись через какое-то время, он не увидел ничего, кроме смутно сереющей стены у горизонта и свежего холмика земли, едва различимого в полыни. Почему-то ему вспомнился его дед, лежавший в такой же неприметной могиле в дальнем углу деревенского клад-

бища. Тут же сквозь облака пробился луч света и упал на внезапно позеленевший бурьян, съевшийся от этого, и превратившийся вдруг в обычную зелёную траву, словно подстриженную табуном деревенских гусей. Посреди этой лужайки, за каким-то наспех сколоченным из неструганых досок столом сидели на лавках дядя Фёдора: старший – Пётр с женой Акулиной и погодки – дядя Илья и дядя Прохор. Напротив сидел дед Егор.

– Посиди с нами, Федюша, – позвала тётка Акулина сержанта.

– Как же мне сидеть с вами? – растерялся Фёдор. – Разве вы не умерли?

– Так, умерли, конечно, – вступил в разговор дед. – Теперь тебяждаем.

– Значит, я тоже... – сержант замялся, стараясь подыскать что-то другое вместо пугающего его слова.

– Не робей, племяш, – Пётр вышел из-за стола, роняя из карманов и из-под пол шинели майора НКВД рёбра и позвонки, которые, едва коснувшись травы, начинали истоняться и исчезать, неторопливо обращаясь в сажу, мгновенно уносимую ветром. – Ты-то, в отличие от нас, грешных, – жив.

Дядька усадил его рядом с дедом, присел сам.

Родители деда были заводскими крепостными при казённом заводе в Петербурге. Когда царь дал крепостным волю, то неожиданно выяснилось, что работать не из-под палки мало кто желает, а главное, умеет. Не только на заводах, но и в деревнях. Свободу восприняли, как возможность ничего не делать, чем и занялись с таким рвением и старанием, с каким раньше и на барщину не ходили. Целыми деревнями бывшие крепостные снимались с насиженных мест и, получив от Государя подъёмные, двигались в Сибирь и на Дальний Восток осваивать казённые земли, пожалованные Императорским Высочеством. Прибыв на место и кое-как обустроившись, новоявленные землевладельцы, не будучи дураками, сдавали землю в аренду деловым и сноровистым китайцам. Пропив за полгода годовую аренду, незадачливые лентяи шли к арендаторам и требовали платы ещё на год вперёд. Китайцы платили, потом ещё и ещё... Через четыре—пять лет горе—землевладельцы попадали в такую кабалу, что теряли не просто свою землю, но и становились холопами бывших арендаторов. Попав в привычное своё состояние, они успокаивались и принимались батрачить на новых землевладельцев. Нельзя сказать, что смирились все: какая-то часть крестьян, ещё по дороге в Сибирь, пропив подъёмные и всё своё немудрёное барахло, осела в лесах и болотах, постепенно дичая. Став лешими и вурдалаками, русалками и кикиморами, эта нечисть теперь с радостью принимала в свои ряды всех, привыкших к безделю и пьянству, кто уже никак не мог батрачить на своих новых господ. Со временем к ним начали присоединяться оставшиеся без рабского труда и потому разорившиеся помещики и дворяне. Однако не всех устраивала такая вольная лесная жизнь: отдельные лешие и кикиморы возвращались к людям, вступая в народовольцы, из которых позже получились эсеры, большевики и анархисты. Особо честолюбивые вылезали на самый верх, становясь с годами министрами и генералами, как, например, вурдалак Столыпин или леший Керенский, адмирал Колчак, генералы Краснов и Каледин, маршалы Будённый и Ворошилов.

Дед Егор в 1880 году лично был знаком с одним народовольцем. Этот вурдалачек по имени Степан, с говорящей фамилией Халтурин, работал в Зимнем дворце столяром. Егор, в ту пору двадцатилетний парень, служил там же истопником. В его обязанности входило обслуживание многочисленных дворцовых печей, топились которые ольховыми дровами, что считалось тогда гарантией от угара. Так вот этот Степан натаскал во дворец нитроглицерина, собрал под царской столовой адскую машину, и жажнуло так, что дворец раскололся надвое. Подвела Степана фамилия: схалтурил. Царь остался невредим, чего не скажешь о многочисленной охране. Дед тоже пострадал: ему искалечило ногу, и он до конца жизни охромел. То, что Степан Халтурин был вурдалаком, выяснилось во время его казни в Одессе в 1881 году: он так долго дрыгался в петле, не желая умирать, что присутствовавшие при этом попадали в обморок.

Дед Егор, получив от Его Величества некую сумму за своё невольное увечье, напуганный ставшей страшной городской жизнью, купил домишко в деревне Яманово, Савинского уезда Ивановской губернии, куда и перебрался. Со временем женился и произвёл на свет четырёх сыновей, трое из которых сидели сейчас за столом.

Старший Пётр, хоть и вырос здоровенным бугаём, был без царя в голове: рано женился. Ему не было ещё и двадцати, когда он, возвращаясь со станции Шорыгино в родную деревню, заплутал. Дело было ночью, и он, идя по лесной дороге, увидал, как ему показалось, огонёк в окне отчего дома. Всю ночь он без памяти ломился сквозь лесную чащу на этот манящий свет, и только под утро пришёл в себя, когда ввалился по грудь в болотную трясику. Перед ним на рыжей кочке сидел леший, помахивая светящейся гнилушкой у него перед носом. Из-за его спины с робким любопытством выглядывала лешачиха. Поймав на себе взгляд Петра, она от смущения позеленела.

– Ну, что, Петруша? – сказал ему леший. – Теперь ты в моей власти. Хочу я тебя женить: дочь у меня навиданье.

– Отпусти, милостивец, – взмолился Пётр. – Какая женитьба? Не могу же я в отчий дом лешачиху привести? Нас и в деревню-то с ней никто не пустит!

– Так она у меня и не лешачиха вовсе, – леший присвистнул, и в глубине болота что-то захлопало и заплескалось, двигаясь в их сторону. – Она у меня в соседку уродилась: русалка она. Надьсь, ты тут у болота грибы собирал, она тебя увидала, да и влюбилась. Возьмёшь её в жёны, и разговорю конец! Иначе тут пропадёшь. Утонешь в трясине.

В болоте что-то в последний раз плеснулось, и через минуту рядом с Петром из мутной болотной жижи вынырнула русалка. От неё исходила такая телесная истома, такая магнетическая бабья сила, что когда она подняла на него свои распутные зелёные очи, трясина под Петром исчезла, и он погрузился в хрустальной чистоты лазурную воду. Ноги его обратились в бахромчатый сомовий хвост, он схватил её за руки, не в силах оторвать глаз от прекрасной бледности лица, и, слегка удивившись возможности говорить под водой, спросил:

– Как мне называть тебя, сердце моё?

– Родители Акулиной нарекли, – она прильнула к нему. – Ты, ведь, не оставишь меня, Петя?

– Нет!

Пётр нырнул и в зелёном сумраке разглядел огромную гранитную глыбу с плоской вершиной. Ткнув кулаком судаку в собачьи зубы и разогнав карасей с окунями, он стал лихорадочно чистить камень. К концу дня каменная плоскость покрылась янтарными икринками, размером с кулак, а вода стала белёсой от молок. Влюблённые застыли в сладком изнеможении над камнем, провалившись в глубокий сон. Очнувшись утром, Пётр обнаружил, что вся икра укрыта белой, пушистой ватой, а щучий хвост Акулины стал пёстрым от белоснежных ватных хлопьев. Под его взглядом Акулина открыла глаза и нежно к нему прильнула.

– Какая ты заботливая, – улыбнулся Пётр. – Деток укрыла.

– Ах! – в её глазах бился ужас.

– Что с тобой?

– Они погибли! – её сотрясали рыдания, и она едва могла говорить. – Я всё детство этой ватной болезнью промаялась. Значит, я так и не поправилась. Бедные наши детушки...

– Са-про-лег-ни-оз, – едва прочла по гадальным картам мудрёное слово знахарка, когда Пётр с Акулиной разыскали её избу на краю Архиповки. – На море, парень, вези её. В тёплые страны. Только тепло и морская вода её вылечат. Русалка она у тебя, и ноги ваши меня не обманут: рыба болезнь у неё. Нормальные люди такой хворью не страдают.

И Пётр загубил свою душу, начав губить души других: он стал разбойником. Акулина стала сообщницей и приманкой. Они открыли постоянный двор на Владимирском

тракте. Соблазнённые неземной красотой Акулины нижегородские и московские купцы совсем не торопились съезжать с постоянного двора и оставались ночевать, чтобы к утру оказаться с перерезанным горлом на дне Клязьмы. На их деньги, каждое лето Пётр возил свою Акулину в Нищу и Ялту. Советская власть положила этому конец, и когда в 1932 году открылись «Торгсины», Пётр поволок туда ведёрный чугунок золота и драгоценных камней в надежде купить на вырученные деньги домик в Крыму. В «Торгсине» его взяли в оборот два представителя ОГПУ. Узнав историю драгоценностей, справедливо рассудив, что Пётр с Акулиной задолго до революции уже вели классовую борьбу, гепеушники дали им направление в школу НКВД. Через год, поскрипывая новыми портупелями, Пётр и Акулина, получив лейтенантские петлицы, приступили к службе. Привычные к крови, они не чурались самой страшной работы: сделавшись палачами, быстро шагали по карьерной лестнице. Но служба не оставляла им времени на лечебные морские и солнечные ванны: ноги Акулины покрылись незаживающими язвами. Однажды она допрашивала какого-то плюгавого контрреволюционера-профессора с кафедры зоологии Московского университета. Его специализацией оказалась ихтиология, и профессор, благодаря профессиональной интуиции, вскоре понял, что перед ним полурыба. Акулина, доведённая своим недугом до отчаяния, вовсе и не думала отпираться: рассказала ему про свои болячки. Профессор, рассмотрев сквозь старенькое пенсне покрытые ватными хлопьями язвы, изрёк: «Сапролегния, сударыня. Микоз. Знахарка Ваша диагноз поставила верный, только уж больно дорогостоящее лечение Вам назначила. Зря с супругом Вашим столько душ загубили». Через несколько минут, убирая наган в кобуру, глядя на труп профессора, распластавшийся в луже крови на бетонном полу подвала, Акулина прокляла знахарку и быстро составила телеграфный запрос в Шую. Через неделю старуху-знахарку приволокли в подвал. С каменными лицами Пётр и Акулина, не сговариваясь, достали наганы и одновременно выстрелили ей в голову. Перед смертью профессор сказал Акулине, что морская вода вполне может быть заменена обычным раствором поваренной соли, даже огуречным рассолом. С того самого дня Акулина стала спать в бочке с малосольными огурцами, и болезнь, терзавшая её с детства, оставила после себя только бесплодие. В тридцать восьмом году супруги получили майорские звания, а в тридцать девятом коллеги по службе вывели их во двор Рождественского монастыря во Владимире и расстреляли у стены, как японских шпионов.

– Ты пойми, баранья башка, – объяснял Пётр племяннику, – что Красная Армия жила по каким-то своим, понятным Сталину законам. Все эти Якиры, Тухачевские и Уборевичи начинали свою карьеру в те времена, когда Троцкий эту Красную Армию и создавал. Он подбирал и назначал людей по единому для любого чиновника принципу личной преданности. Льва Давыдовича уже давно нет в стране, Красной Армией пыжится командовать Ворошилов, а его приказы не просто молча саботируют, но ещё и норовят мордой в его собственную некомпетентность ткнуть! Как можно в таких условиях командовать? Вся закавыка была совсем не в Ворошилове: окажись на его месте тот же Тухачевский или Якир, всё было бы точно так же. На Троцкого они смотрели снизу вверх, а усатого батьку, в лучшем случае, рассматривали как равного. Пауки в банке. Они – дубины стоеросовые, раз не смогли уразуметь, что выбор у них был небогатый: либо согнуть выю и лебезить перед начальством, либо пулю в затылок. Может, ты ещё и меня с Акулиной, в самом деле, японскими шпионами считаешь? Да просто под наркома Ежова копать начали, а заодно и место для Бериевских ставленников расчищать, чтоб Лаврентий Павлович нормально руководить мог. Обычный феодальный подход. Это только для вас, сырых да убогих, с высоких трибун о социализме и коммунизме говорили, а на самом деле реставрировали абсолютную монархию, модернизировав её только в одном: она перестала наследоваться. Что делал очередной Романов сев на престол? В первую очередь низвергал в опалу бывших сановников, ссылая всевозможных меньшиковых в берёзовки. Что сделал Сталин? Перестрелял сановников и соратников Ленина: берёзовок в стране много, да так надёжнее. Да, Николашка Романов всем опротивел своей бездарностью, но это

вовсе не значит, что страна холопов в одночасье стала страной граждан. Всем по-прежнему нужен был царь-батюшка. Холопам спели детскую песенку о социализме, и, чтоб они вдруг не заподозрили своего холопства, а почувствовали себя гражданами, подсунули вместо царя вождя, великого и мудрого. Отца народов. И, чтоб уж совсем задурить вам голову, престолонаследие аннулировали, предоставив возможность самому ловкому пауку в банке передавить менее проворных, когда время придёт прежнему пауку-вождю в лучший мир уходить. Они вам, дуракам, даже крепостное право вернули, только обозвали холопов колхозниками, а паспорта изъяли, чтоб крепостные из деревень не разбежались. И заменили многих помещиков единым государем, а барщину на него назвали трудоднями. Даже оброк вернули, только его продналогом назвали. Ты вот Прохора порасспроси, он тебе много чего расскажет.

Они сидели ещё долго. Рассказывали о себе, порасспросили Фёдора о его житье-бытье, поинтересовались, как жив-здоров его отец, Степан Егорыч, их брат и сын. Наконец, что-то им объясняя, Фёдор вскочил со скамьи, и в этот момент просвет в облаках закрылся, луч света померк, и все они исчезли вместе с лужайкой и столом. Только в том месте, где сидели Пётр с Акулиной, осталось с десятков, темнеющих провалами глазниц, прострелянных черепов, быстро обратившихся в прах, унесённый ветром. Стены уже не было видно. Ветер заметно усилился, сажи он нёс ещё больше, а смрад сожженной плоти стал почти осязаем. Фёдор, найдя свой ориентир, заметил некую перемену в горах: они не просто стали ближе – ему казалось, что они двигаются. Пики поменьше и целые горные хребты, словно бы отодвигались вглубь, выпуская вперёд Эльбрус, который и служил Фёдору ориентиром. Прикрыв ладонью глаза от ветра, сержант пошёл вперёд.

2

Братья-погодки, Илья и Прохор, дядя Фёдора, хлебнув продрозвёрстки, плюнули, было, на земледелие во времена Нэпа. У них на двоих было девятнадцать рабочих лошадей, и они организовали гужевую артель. Наняли возчиков и стали заниматься грузоперевозками. И поначалу всё шло прекрасно, пока в двадцать пятом году не пришлось им вести обоз водки из Шуи в Иваново. Прохор ехал на гружёной подводе в голове обоза, а Илья, на такой же подводе, обоз замыкал. Где-то на лесной дороге у подводы Ильи лопнула ось. Телега опрокинулась, ящики с водкой попадали и побились. По цепочке передали об этом в голову колонны, и через некоторое время прискакал к брату Прохор на выпряженной из подводы лошади.

– Всё, что уцелело, на других подводах разместили? – почесав бороду, спросил Прохор. – Давайте двигаться дальше. А ты, Илья, сиди тут. Я из ближайшей деревни к тебе кузнеца пришлю.

Прохор ускакал, и через некоторое время обоз тронулся дальше.

Оставшись один, Илья выпряг лошадь, стреножил её и пустил отдохнуть и попастьсь возле дороги. Присел на обочину, достал узелок с едой и только собрался перекусить, как вдруг заметил зелёного чертёнка, робко выглядывающего из-за ёлки. Поняв, что замечен, чертёнок мелкой рысцой подбежал к Илье поближе и, присев на лежащее колесо от телеги, попросил у него краюшку хлеба. Илья, не ожидавший ничего подобного, в растерянности преломил хлеб и выдал кусок чёрту, поскольку не жадный был мужик по своей натуре. Чертёнок, подхватив горбушку, скакнул в дорожный кювет и стал макать кисточку хвоста в лужу, облизывать и обсасывать её, закусывая хлебом.

– Давай молочка налью, – предложил Илья. – Нешто можно из лужи-то пить? Живот скрутит.

– Да кому нужно твоё молоко, – заржал чёрт, – когда тут целая лужа водки набралась?

– Да, иди ты! – Илья полез в придорожную канаву, нагнулся над лужей, пытаясь по запаху распознать водку, но, поскольку разлитой водкой смердело всё вокруг, ничего не понял, встал на колени, согнулся и глотнул.

Тут же из-под кустов и ёлок выскочили сотни зелёных чертят, как две капли воды похожие на первого, и затоптали Илью в лужу. Когда, часа через три, приехал на телеге с инструментом кузнец, то он ещё издали заметил что-то похожее на смерч, кружащий, как ему показалось, зелёные ветки и листья возле опрокинутой подводы. Но, подъехав ближе, не увидел ничего, и даже никаких поломанных веток нигде не было видно. «Померещилось» – решил кузнец, но, на всякий случай, заглянул в канаву. Там он и нашёл напившегося и утонувшего в луже водки Илью.

Вспоминая эту историю, рассказанную ему за столом дядей Ильёй, Фёдор на исходе дня спустился в балку, протянувшуюся поперёк степи на его пути. Внизу оврага бежал ручей. Ветра здесь почти не было, и сержант, напившись воды, присел на кочке передохнуть. Перемотав портянки, Фёдор поднялся выше по склону, нашёл под гребнем оврага нишу, где ветра не было совсем, и стал укладываться ночевать.

Глядя на звёзды, проглядывающие сквозь поредевшие облака, Фёдор вспомнил родную деревню.

3

Деревня Яманово с незапамятных времён славилась гигантскими яблонями. С первого взгляда даже нельзя было и предположить, что это яблони, настолько огромными были деревья. В три охвата толщиной, до двадцати косых саженей высоты, они больше напоминали кладбищенские вязы или пойменные дубы. Старожилы утверждали, что гигантизм яблонь был вызван беспутством одного мужичка, имя которого кануло в лету, жившего тут ещё во времена Василия Шуйского. Бегая по лесам от поляков, мужик завёл шашни с кикиморой. Мужичко-то был обычный похотливый кобель, а вот кикимора от любви расцвела. Спровадив поутру обратно в лес обалдевшую от любовных утех зазнобу, мужик обнаружил на тюфяке несколько обломившихся с кикиморы веточек с похожими на яблоневые цветами. Недолго думая, больше из озорства, нежели по расчёту, мужик взял да и привил эти черенки к своим яблоням. Вот от этих черенков и появились в Яманове гигантские яблони. Яблоки на них родились необычные: размером с голову. Шкура на них была пупырчатая, как на кирзовом сапоге, зелёная и такая толстая, что ни один червяк прогрызть не мог. Хранились яблоки по два-три года, и чем дольше лежали, тем вкуснее и душистее становились. Мужики из соседних деревень быстро расстались с надеждой заполучить такую яблоню в свои огороды – не желали эти яблони расти нигде, кроме Яманово. С приходом Советской Власти, с её продрозвёрсткой и продналогами, крестьяне Яманово завывли в голос: да и как не завывать? Посмотрев на подпирающие облака дерева, чиновник из райцентра постановил сдавать государству по два воза яблок с каждого дерева. Мужики почесали затылки, да и сдали. А яблоки, видимо, потому и хранились так долго, что деревья плодоносили то через год, а то и через два. Причём и плодоносили и отдыхали яблони по всей деревне одновременно. На следующий год продотряд, почистив крестьянские амбары с зерном и хлева со скотиной, стал требовать яблоки: вот, мол, в бумаге записано количество плодовых деревьев, стало быть, давайте столько-то возов. Согласившись с количеством яблонь, указанных в бумаге, мужики никак не могли согласиться с количеством возов, поскольку в этом году яблок не уродилось. Командир продотряда, покопавшись пятернёй у себя под фуражкой, сплюнул под ноги и сказал, что если к утру яблок не будет – расстреляет каждого десятого жителя деревни. Мужики выгребли все запасы, лежавшие по кладовым с прошлого года, недостающие три телеги едва успели пригнать к утру, купив обычных яблок в соседних деревнях, а про себя крепко задумались: «Что, если эти кикиморские яблони и на следующий год не разродятся?».

– Слышь, касатик! – задал вопрос командиру продотряда деревенский староста. – Что, если нам спилить эти яблони? Нет яблонь – нет налога на них.

– Да ты что, мироед? – подскочил командир. – Хочешь своего брата-рабочего без яблок оставить? Только посмей у меня! Контрреволюцию решили устроить? Хотите голодом Советскую власть заморить? Да мы вас всех к стенке поставим и шлёпнем!

Но ещё больше мужиков заставил задуматься тот факт, что у продотряда не хватило подвод, и яблоки просто свалили в кучу на краю деревни, где они и сгнили в конце концов, так как за ними никто не приехал. Молчком, в тайне друг от друга, мужики стали ходить по соседним деревням, посещая кузнецов с одним и тем же заказом: выковать им из меди здоровенные гвозди, размерами с железнодорожный костыль. Потом, посреди ночи, обернув тряпьем обух топора, чтобы не разбудить соседей, мужики забивали эти гвозди в яблони. На следующий год все яблони засохли. Не засохли только те, что стояли в огородах Прохора и Ильи, поскольку братья со своей артелью жили в Иваново.

Прибывшим продотрядовцам предъявили погибшие яблони, и был вызван чиновник из Шуи, чтобы скорректировать продналог. Прибывший чиновник не застал продотряд, который уже обирал другие деревни и сёла. Походив по крестьянским огородам и досконально

осмотрев яблони, чиновник понял причину их усыхания на корню. Задумав составить документ, разоблачавший контрреволюционную сущность местных вредителей, для начала чиновник решил взять с собой в город несколько образцов яблок с деревьев Прохора и Ильи. Он ещё в тот год, когда впервые облагал налогом жителей Яманово, отписал Мичурину, про которого вычитал в газете, о необычных яблонях. Мичурин прислал ему письмо с просьбой выслать образцы плодов. Подойдя к яблоне и выбрав сук, на котором яблоки были покрупнее, чиновник накинул на него заранее позаимствованную у старосты вожжу. Дёрнул, что есть силы, и был убит на месте посыпавшимися на него яблоками.

– Ты смотри, – сматывая свои вожжи, удивлялся староста, – голова лопнула, как гнилая тыква. Вот, балбес городской, наши-то, когда за яблоками идут, по две зимних шапки надевают, и то с ног валит, если по голове тукнет, а этот, хоть бы сказал, зачем ему вожжи понадобились.

Вызванный со станции Шорыгино милиционер, совсем ещё мальчишка из ивановских рабочих, составил протокол о несчастном случае и увёз тело чиновника, чтобы отправить по железной дороге в Шую.

Пятилетний Фёдор хорошо запомнил хромую милицейскую кобылу, молодого милиционера, подводу, на которой тот ехал, но больше всего в память врезались ноги погибшего чиновника в новых, забрызганных кровью ботинках, торчащие из-под рогожи, которой была накрыта телега с телом. Фёдор гнал в деревню небольшое стадо деревенских свиней, которых пас весь день в дубняке. Свиньи, почуяв кровь, сбились вокруг него, как тогда, когда он сидел на пеньке и что-то вырезал из липового сучка. Он даже сначала и не понял ничего. Просто сидел, что-то бормотал себе под нос, кромсая ножом липу. Фёдор так был увлечён своим занятием, что не заметил необычного поведения свиней: они стали сбиваться в кучу возле него. Он опомнился только тогда, когда стало нестерпимо больно ноги, зажатые между пнём и тушей свиньи, прижавшейся к нему. Закричав на свинью и пытаясь её отпихнуть, мальчишка с удивлением обнаружил, что все стадо сбилось в круг около него. Поросята и молодые свиньи сгрудились вокруг пня, на котором сидел Фёдор, а взрослые свиньи и вечно враждовавшие хряки, плотно прижавшись окороками друг к другу, образовали круг, головами наружу. Свиньи тревожно ухали, а хряки грозно лязгали клыками, брызгая сбившейся в белую пену слюной. Шагах в десяти под деревом стояла тощая волчица и смотрела на Фёдора. Её глаза, цвета лесного ореха, равнодушно скользили по свиньям и загорались зелёным огнём, когда обращались на пятилетнего мальчишку. Шкуру на тощих рёбрах ещё рельефнее оттягивали отвисшие гряды сосков – признак изнуряющего волчицу материнства. Ещё раз посмотрев на свиней, волчица перевела взгляд на Фёдора и, легко переступив лапами, прыгнула на ребёнка. Фёдор не успел испугаться, а просто смотрел, как оторвавшуюся от земли волчицу поймали в воздухе за бока сразу две взрослые свиньи и бросили на землю. В мгновение ока образовалась куча-мала: и свиньи, и хряки, визжа и ревя, кинулись на поверженную хищницу. За скоплением свиных туш ничего не было видно, а когда через несколько минут стадо разбрелось под дубами, Фёдор увидел окровавленный позвоночник, обглоданный череп и две-три крупные кости от конечностей. Вот и едущая мимо телега с погибшим вызвала тогдашний вопрос: свиньи искали у него защиты или пытались защитить Фёдора? Как бы там ни было, он проникся уважением к стаду.

Фёдор пас свиней до четырнадцати лет. За это время он успел закончить три класса школы. В деревнях создали колхозы. Дядю Прохора, который вернулся в деревню, после того, как большевики сначала разрешили, а потом прихлопнули НЭП, раскулачили, забрав всех его лошадей и избу, а самого его отправили в лагерь, где он и сгинул, попав под лесину на лесоповале. Изба его долго не пустовала: на следующий день после его ареста там разместилось правление колхоза.

4

В селе Архиповке, недалеко от деревни Яманово, стояла церковь. Приходом управлял отец Дмитрий. В 1918-м, в самый разгар гражданской войны, поп занял сторону красных. Зверства ли белых были тому причиной, зверства ли красных, только отец Дмитрий должен был выбирать чью-то сторону, и он сделал свой выбор. Хоть интуиция и не подвела отца Дмитрия, – царские генералы оказались достаточно бездарны, чтобы получить пинка от фельдфебелей, и достаточно талантливы, чтобы писать мемуары в Париже, – попу пришлось совсем не сладко, когда большевики объявили крестовый поход против религии и служителей культа. Церковь в 1932-ом закрыли, а самого отца Дмитрия едва отстояли сельчане от ссылки на Соловки.

Оставшись без средств к существованию, поскольку поп мало что умел, кроме помахи-вания кадиллом и чтения «Отче наш...», он не впал в отчаяние, а только более укрепился в вере своей. Лишённый паствы, загнанной в колхозы, отец Дмитрий, читая о средневековых подвижниках Христианской Веры, решил обратиться к Богу леших и кикимор, шатающихся по окрестным лесам. Целыми днями бродил он по самым дремучим чащам, но не находил никого, даже зверей не встречал. Наконец отец Дмитрий затосковал и поделился своим горем с супругой. Попадья была дочерью известного на всю губернию охотника и кое-что понимала в лесной жизни. «Батюшка, – сказала она, – почто же Вы мне раньше не сказали об этом? Мой отец потому самым лучшим охотником и был, что знал, как лесную нечисть найти и как с нею ладить для своей пользы». Попадья объяснила, что лес, он только на первый взгляд кажется бессмысленным собранием ёлок и берёз. На самом деле лес устроен как город: вон та опушка – дом зайца, а берег лесного ручья с зарослями ивы и дикой смородины – зимний дом лося. Клюквенное болото – столовая медведя и глухаря, а еловая чаща – спальня рябчика. Есть места, где никто не живет, и они используются, как городские улицы, для переходов от одного дома к другому. Лешие и кикиморы тоже не болтаются по всему лесу, а сидят каждый в своей вотчине и без дела границ не нарушают: иначе это может быть расценено, как покушение на чужую территорию. «Не попадались ли Вам, батюшка, – спросила попадья, – грибы такие оранжевые, похожие на оленье рога, которые «рогатиками» зовут? Эти-то грибы как раз по межевым границам вотчин леших да кикимор растут. А есть территории общие. На них они и собираются, когда им вздумается по какой-либо надобности. Эти места отмечены «ведьмиными кругами» – это когда на полянке поганки правильными кругами растут». Отец Дмитрий поскрёб в бороде и вспомнил, что во время плутаний по лесу, в самом деле, попадались ему и поганки, росшие кругами, и чудные оранжево-жёлтые рогатики. «Так, вот, – продолжала супруга, – нужно выкопать гроздь рогатиков и шагов на десять перенести. Господа лешие весьма щепетильны и склочны – тут же затеют ссору. Поскольку ни правых, ни виноватых в ссоре своей они не найдут, то устроят общее собрание соседей, чтобы на сходке и определить, кто прав, а кто виноват. Собрания эти обычно кончаются дракой, поскольку все лешие и кикиморы корыстны, и зависть каждого заставляет думать, что уж его-то участок точно самый плохой из всех, а соседи, не в пример ему, лучше устроены в жизни. Как ни драчлива лесная нечисть и склочничать готова всегда, однако, наставив друг дружке синяков да шишек, вскоре решат они найти третейского судью, чтобы он, как не заинтересованное лицо, как-то их рассудил. Тут-то и надо Вам, батюшка, объявиться, а за свой суд потребовать награду. Мой отец однажды именно так и сделал. За это лешие ему всю жизнь зверей под выстрел загоняли, а кикиморы – птиц».

Долго думал отец Дмитрий: не хотел он при помощи обмана делать дела свои. Но попадья – баба ушлая – и тут нашлась: «Батюшка, Дмитрий Васильевич, да нечто Вы корысти ради между кикиморскую нарушать будете? Вы же во Славу Господа дела свои мыслите: Господь поймёт Вас и простит, батюшка». Принял отец Дмитрий грех на душу: так всё и сделал, как попа-

дья говорила. За свой третейский суд выторговал поп для себя право проповедовать им слово Божье. Мало – помалу заразились лешие и кикиморы поповским энтузиазмом и стали истово принимать Веру. Перестали они строить козни крестьянам, охотники и бабы с детишками, пошедшие по грибы-ягоды, перестали блуждать по лесу. Одно только печалило новую паству отца Дмитрия: не могли они вкусить таинств и прелестей церковной службы, поскольку новые власти закрыли церковь. Но одна благоверная кикимора после рассказа отца Дмитрия о первых римских христианах, скитавшихся в городских катакомбах и в гонениях нашедших свой венец мученический, вскочила на валежину и с горящим истовой верой взором обратилась к единоверцам: «Братья и сёстры, настало время уходить нам из леса! Давайте и мы, как первые римские христиане, устроим подземный храм – выроем катакомбы под церковью и устроим в них храм и церковную службу, чтобы искупить прегрешения наши в лесной, прошлой жизни». Стали по ночам копать подземелье под закрытой церковью. И так преуспели, что однажды утром жители Архиповки обнаружили в центре села круглое озеро, посреди которого торчала церковная маковка с православным крестом. «Карстовый провал», – сказал директор школы, самый грамотный человек в округе. На том и разошлись. Отец Дмитрий, мало того, что опять остался без паствы, погребённой на дне озера провалившимся храмом, так ещё и жилья своего лишился, поскольку дом его, стоявший неподалёку от церкви, оказавшись на краю провала, начал потихоньку сползать в воду. Жить в нём стало опасно, и священнослужитель с супругой перебрались в соседнее Яманово, где нашёлся пустующий дом.

Через пару дней после переезда, когда попадья отправилась в Архиповку, чтобы забрать в старом доме какую-то нужную в хозяйстве мелочь, отец Дмитрий увидал на полатах чертёнка.

– С нами крестная сила! – осенил себя знамением поп.

– Ой! Не извольте беспокоиться, батюшка, – махнул зелёной лапкой чёртушка. – Я же не новозаветный какой: на меня Ваши причитания не распространяются. Что я Вам, сатана, что ли? Вон, я вижу, на полке наливочка вишнёвая стоит. Может, пропустим по маленькой, пока хозяйки-то нет?

– С какой это стати? – поп не пришёл ещё в себя и продолжал креститься.

– А разве нет причины, батюшка? Церковь утопил, паству частью угробил, частью растерял. Единоверцы, саном облечённые, в муках свой крест несут в большевистских каторгах, а Вы и причины не ведаете? Давайте уже наливать, батюшка, покуда супруга Ваша не вернулась.

5

– Анаксимандр Милетский был способнейшим астрономом и подарил античному миру солнечные часы, – чертёнок задумчиво отхлебнул из водочной бутылки и протянул её отцу Дмитрию. – А Вы, батюшка, сдали своего Павла Буре в Торгсин, – хохотнул чёрт. – Продали свои золотые часы большевикам. Улавливаете разницу?

– Ничего я в астрономии не смыслю, – невпопад буркнул Дмитрий Васильевич, принял бутылку и пару раз глотнул из неё.

Отец Дмитрий возвращался из Шуи, куда ездил продавать часы. Не имея средств к существованию, поп с попадёрй решили мало-помалу продавать своё имущество. Получив в Торгсине за часы хорошие деньги, поп купил на радостях бутылку водки и отправился домой. Всю дорогу, пока батюшка ехал в поезде до станции Шорыгино, чертёнок тихонько подзуживал его выпить. Бесёнок даже пару раз так потрянул вагон, в котором сидел отец Дмитрий, что бутылка в грудном кармане мирского платья попа, соблазнительно булькнув, едва не выскочила на пол. Это заставило Дмитрия Васильевича запустить руку за пазуху и крепко ухватить бутылку за горлышко. От вожделения ладонь сразу вспотела, но поп, проглотив слюну, вытерпел до конца поездки. Выскочив на станции, батюшка, нимало не задерживаясь, едва отвечая на приветствия своих бывших прихожан, проскочил Архиповку и углубился в лес по дороге в Яманово. Из-за ёлок наперерез ему тут же выскочил чертёнок и, хватая его зелёными лапками за штанину, оставляя глубокую борозду в снегу рядом с тропинкой, начал канючить: «Батюшка! Батюшка! Куда Вы так бежите? Вот, посмотрите, как удобно рухнула сухая сосна вдоль тропинки – давайте присядем и выпьем немножко. Глупо же, ей-богу, нести водку домой, когда Варвара Никитична тут же спрячет её в чулане до праздников». После такого веского аргумента попу ничего не оставалось, как, смахнув снег, присесть на лесину и открыть бутылку. Сделав по паре глотков, посидели какое-то время молча, поглядывая по сторонам и изредка встречаясь взглядами. Когда первая волна алкоголя легонько тронула голову, чертёнок, панибратски ткнув отца Дмитрия в бок, заявил: «Почто же Вы, батюшка, третьего дня так наклюкались, что соседу Вашему – Фёдору Чикину – пришлось Вас выуживать из сугроба и вести домой? Парень даже и не догадывался, в какой нищете живёт его семья и вся знакомая ему округа, покуда он в Ваш дом не попал. Пока ему не с чем было сравнивать, он и не догадывался, что можно жить по-другому. Вся эта фаянсовая посуда, серебряные ложки, керосиновые лампы с шёлковыми абажурами, кожаные кресла и диваны, никелированная кровать под балдахин, книжные шкафы, комоды и скатерти – да у молодого человека просто голова кругом пошла! Он даже не знает ни предназначения, ни названия большинства предметов из тех, что он в Вашем доме увидел». Поп готов был сквозь землю провалиться от стыда, но не из-за убранства своих комнат, весьма скромного, по его собственным оценкам, поскольку доводилось ему бывать в домах церковных иерархов, в домах губернаторов, царских чиновников и купцов. Отцу Дмитрию было стыдно за своё пьянство. Поп укоризненно посмотрел на чёрта и поскорее глотнул ещё. Чёрт тоже приложился к водке, прищулив глазки, радостно хохотнул и продолжал дальше нравоучительствовать: «А почто же Вы, батюшка, не объяснили юноше, когда пригласили его за стол, что по Домостроевскому укладу, если гость не притрагивается к рюмке или выпивает её до дна, то он, тем самым, даёт понять хозяевам, что выпивать больше не намерен? Сами-то Вы в течение получаса, выпивая по полрюмки, выдули у Варвары Никитичны целый графин наливки: супруга едва успевала доливать Вам в рюмку. А бедный парнишка, не искушённый в тонкостях этикета, считает теперь вас жадными сквалыгами. Надо же было объяснить парню, что потчевать человека отпитой рюмкой – неуважение, и в рюмку всегда будут подливать, пока человек не опорожнит рюмку досуха». Батюшка покраснел, мрачно

покосился на собутыльника и хорошенько глотнул из бутылки. Какое-то время сидели молча. Наконец чёрт брякнул попу про Анаксимандра Милетского.

– Вы знаете, батюшка, – чёрт пропустил мимо ушей замечание попа об астрономии, – древние римляне, во времена Страбона, считали Гомеровские «Илиаду» и «Одиссею», как это ни странно сегодня звучит, географической энциклопедией. По их мнению, Гомер взял осаду Трои и скитания Одиссея просто как повод для описания известного грекам Мира.

– Весьма странная трактовка художественного произведения, – заметил поп.

– Ничего странного, если задуматься, – и чертёнок задумался, рассеяно болтая ножкой, раскидывая копытцем снег.

– О чём задуматься? – батюшка забрал у него бутылку.

– Тогда ведь ещё не было, как теперь, разделения научных дисциплин. Астрономия, математика и география представлялись как нечто совокупное. Стандартов написания научных работ не существовало, вот поэтому и можно было, взяв за основу эпическое повествование, написать энциклопедию, – чертёнок неожиданно вскочил и пулей бросился в лес.

Захмелевший поп уже ничему не удивлялся. Он даже немного обрадовался случившемуся одиночеству, глядя на полбутылки водки у себя в руке. Минут пять он счастливо таращил глаза на предвечерний заснеженный лес. Благодушно посмотрел на белку, отправившуюся искать шишку на ужин, и только собрался глотнуть из бутылки, как чертёнок выскочил из-за ёлок, держа в лапках какую-то пухленькую книжицу.

– Это же моя карманная Библия, – обрадовался поп, – которая потерялась во время переезда в Яманово! И как это Вас не вспучит и не разорвёт от Святого Писания?

– Отец Дмитрий, сколько же Вам раз объяснять, что я не новозаветное существо и на меня Ваше христианское мракобесие не действует? – хохотнул чёрт. – По папиной линии мой предок Пан, а по маминой – Дионис, он же Вакх. Вы же хорошо античную литературу знаете. Меня можно только бронзовой римской доской «*Senatus consultum de Vaechanalibus*» приструнить. Ну, или водку не покупайте и наливочку не трогайте.

– Что это за «бронзовая римская доска»? – передразнил поп.

– Сенатское запрещение вакханалий, – хохотнул чёрт, радуясь то ли удачному передразниванию, то ли сенатскому указу, отлитому в бронзе.

Чертёнок передал отцу Дмитрию Библию и глотнул из бутылки:

– Вы, батюшка, и в самом деле считаете, что это и есть Слово Божие? – чертёнок указал на Библию.

– Ну, все так считают, – неуверенно промямлил поп, чувствуя подвох.

– А Вы уверены, что многочисленные толмачи, переводя это Слово с языка Бога, не исказили его из своекорыстия?

– Какого такого «своекорыстия»? – опять передразнил батюшка чёрта. – Что Вы мне голову морочите? – поп начал сердиться.

– То, что Вы держите в руках, – результат перевода с иудейского на латынь, с латыни на греческий, с греческого на старославянский, если допустить, что Бог разговаривал с иудеями на понятном им языке, и перевода на иудейский не потребовалось.

– А-а-а... Я понял – это искушение, о котором в Святом Писании сказано, – поп истово перекрестился и со словами: «Изыди, сатана», оттянув цепочку на груди, сунул в нос чёрту натальный крест.

– Да, полно беситься-то, Дмитрий Васильевич, – чертёнок обиделся. – Я ему о таких вещах говорю, о которых он никогда и не задумывался, а вместо понимания – «изыди, сатана», – чертёнок передразнил батюшку. – Вот «изыду», и что делать станете? Вам же, кроме как со мной, ни выпить, ни поговорить не с кем и не о чем. Я же неспроста разговор этот завёл: о будущем Вашем беспокоюсь. Как жить будете, когда всё серебро и золото большевикам сбудете?

Поп тяжело вздохнул и потупился: он и сам уже не раз со страхом подумывал о том, что станет с его семьёй, когда кончатся вещи на продажу?

– Я, батюшка, предлагаю Вам подумать о своей новой карьере, – серьёзно сказал чертёнок. – На сегодняшний день, исключая Луначарского, лучшей кандидатуры на пост наркома просвещения никого, кроме Вас, не вижу. Вам надо вылезать из этой глуши. В этом захолустном Яманове Вы и нательный золотой крестик проедите: чем тогда мне в нос тыкать станете?

– Как же отсюда выбраться? – развёл руками поп. – Священнослужителей нынче не жалуют, да и вообще – безнадёжно всё как-то...

– Напишите, для начала, антирелигиозную работу, – предложил чёрт. – Они сейчас весьма востребованы.

– Антирелигиозную? – батюшка рассеяно повёл взглядом вдоль дороги, словно надеялся там кого-то увидеть и призвать в свидетели. – Да Вы в своём уме? Как у Вас язык-то повернулся предложить мне такое?

– А что тут такого? – удивился чертёнок. – Я же не предлагаю Вам кричать на всех углах, как повелось нынче, что Бога нет, – в конце концов, я сам праправнук Диониса – бога виноделия, – я предлагаю Вам написать статью о Библии.

– И что же мне написать?

– Общий смысл таков, что Библия – не есть Слово Божье, – улыбнулся чёрт. – Наивно же думать, что Создатель не догадывался о том, что Земля не плоский блин, омываемый рекой Океан? Раз уж он Создатель, то знал, как тут всё устроено. И тогда получается: либо Слово его исказили, либо выдумали.

– Как это? – возмутился поп. – Что значит «исказили или выдумали»?

– А то и значит, – пустился в разъяснения чертёнок, – что исказить, я думаю, поостереглись бы, а вот выдумать – запросто. Если уж Бог с тобой не разговаривает, то поневоле за него сочинять начнёшь. Там, в этой самой Библии, разве где-нибудь написано, как принято ныне в ГПУ: «С моих слов записано верно: Бог»? Или, хотя бы: «Со слов Бога записано мною: имярёк»? Некий аноним, а возможно и целый творческий коллектив анонимных авторов, взялся описать известный ему на тот период Мир. Энциклопедию решил создать, одним словом. Беда только в том, что данный весьма не совершенный труд по отысканию причины Мира и его, так сказать, мироустройству уже в момент написания был сильно устаревшим, так как чуть ли не за пятьсот лет до Рождества Христова греческий философ Пифагор Иониец знал, что Земля – шар. А другой греческий философ и математик – Аристарх Самосский – почти за триста лет до Рождества Христова определил наш Мир как гелиоцентрический и низвёл Землю от пупа Вселенной до состояния рядовой планеты Солнечной системы. Так что по всему видно, что никакое это не Слово Божье, а просто весьма, даже по тогдашним меркам, учитывая опыт греческих философов, слабая попытка обобщить знания о Мире.

Поп сидел подавленный. Какие-то мысли копошились у него в голове, он что-то бормотал себе под нос, потом опрокинул внутрь себя остатки водки из бутылки и побрёл, теперь уже никуда не торопясь, домой в Яманово. Чертёнок остался сидеть на упавшей сосне и, глядя отцу Дмитрию в спину, улыбался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.